

Г. Ирмеръ.

ЛАТЫШСКАЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

на X археологическомъ съѣздѣ

въ Ригѣ 1896 года.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. № 17.

1897.

Г. Ирмеръ.

ЛАТЫШСКАЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

на X археологическомъ съѣздѣ

въ Ригѣ 1896 года.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. № 17.

1897.

Л А Т Ы Ш С К А Я

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

Отдельные оттиски изъ Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества 1897 г.

№ 1000

ХАРЬКОВЪ

1897

Латышская этнографическая выставка на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г.

Научная Комиссія Рижскаго Латышскаго Общества давно уже собираетъ матеріалъ для латышскаго этнографическаго музея. Она получила также нѣкоторые цѣнные предметы отъ любителей этнографіи, и на собственные средства снарядила экспедиціи въ разныя латышскія мѣстности. Императорское Московское Археологическое Общество предложило ей въ 1893 г. прислать своего депутата на засѣданія подготовительнаго комитета X археологическаго съѣзда. Депутатъ Научной Комиссіи, присяжный повѣренный А. Веберъ, сообщилъ комитету, что комиссія намѣрена устроить во время съѣзда латышскую этнографическую выставку.

Чтобы хорошо обставить выставку, Научная Комиссія въ 1894 и 1895 годахъ снарядила до 10 экспедицій въ различныя мѣстности, обитаемыя латышами, и вошла въ сношенія съ другими латышскими Обществами. Комиссія устройствомъ этой выставки оказала большую услугу отечествовѣдѣнію прибалтійскихъ губерній. Въ короткое время воздвигнуты зданія на площади Іакова, собрана масса матеріала, и не мало труда стоило разобрать, привести его въ порядокъ и размѣстить удобно для осмотра. Не слѣдуетъ далѣе упускать изъ виду, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ въ первый разъ сдѣлана была попытка сконцентрировать въ одномъ мѣстѣ все то, что осталось отъ прежнихъ временъ и имѣетъ значеніе для исторіи латышскаго народа, что мы слѣдовательно имѣемъ дѣло съ новымъ созданіемъ.

Такъ какъ настоящая родина латышей Курляндія и нѣкоторыя части Лифляндіи и Витебской губерній, то и на выставкѣ за немногими исключеніями принимались во вниманіе только три вышеупомянутыя губерніи. Это пространство, имѣющее 53,000 квадратныхъ верстъ и обитаемое 1.460,000 латышей, граничитъ на протяженіи 485 верстъ съ Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ и имѣетъ 3 гавани: Ригу, Виндаву и Либаву.

Посѣтители выставки входили прямо въ главное зданіе, увѣнчанное куполомъ, и попадали въ обширный залъ, гдѣ со вкусомъ и удобствомъ для обозрѣнія былъ сгруппированъ въ 12 отдѣленіяхъ матеріалъ, полученный въ большомъ количествѣ.

Въ первомъ отдѣленіи, предназначенномъ для литературы, ландкартъ и видовъ, находилось значительное количество предметовъ. Къ этому далѣе примыкали минералы, кристаллы граната, бурый уголь, найденные въ гольдингенскомъ уѣздѣ близъ рѣки Виндавы, янтарь, найденный по берегамъ Курляндіи и Лифляндіи; потомъ растенія и животныя; лифляндскій жемчугъ, частью совершенно разившійся, частью еще не разившійся, найденъ въ рѣкѣ Пенѣ (репе=молоко) въ Венденскомъ уѣздѣ и также въ рѣкѣ Аа. Въ прежнія времена, именно въ концѣ прошедшаго столѣтія ловля жемчуга была довольно прибыльна. Теперь жемчужная раковина стала рѣдкостью. Здѣсь также находились различныя породы дерева и мѣстныя аптекарскія растенія.

Второе отдѣленіе посвящено исторіи, законамъ и судопроизводству латышей. Въ немъ находилось много видовъ и плановъ городищъ (т. называемыхъ „Burgberge“), портреты историческихъ лицъ, большое количество документовъ, хроникъ и собраній законовъ. Древняя исторія латышей до сихъ поръ мало изслѣдована. Болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія о латышахъ мы имѣемъ отъ христіанскихъ миссіонеровъ, которые приходили къ латышамъ съ востока и запада. Въ 1158 году нѣмецкіе купцы изъ Любека въ первый разъ явились у Двины; однако латышскія племена (летгалы, венды, зелы, земгалы и куры) только въ 13-мъ столѣтіи пришли въ близкое соотношеніе съ нѣмцами. Когда эти племена приняли отъ нѣмцевъ христіанскую вѣру, они заключили съ ними свободные договоры, но вскорѣ латыши приѣли въ зависимое положеніе: они должны были платить нѣмцамъ извѣстныя подати, должны были платить десятинную подать; они содержали священниковъ и судей, строили дорожныя сооруженія и крѣпости и должны были нести военную службу. Но маленькіе вассалы не могли долго защищать свою личную свободу; они постепенно сдѣлались крѣпостными. Въ началѣ 16-го вѣка было введено лютеранское вѣроисповѣданіе и латыши сдѣлались настолько зависимы отъ своихъ повелителей, что должны были безпрекословно повиноваться имъ. Только немногіе составляли исключеніе изъ этого, какъ напр. курляндскіе безоброчныя крестьяне, которые сохранили свою личную свободу и пользовались нѣкоторыми привилегіями. Этимъ крестьянамъ принадлежатъ 6 крестьянскихъ имѣній въ гольдингенскомъ уѣздѣ; они называются: Конини, Драгуны, Калеи, Зеймелы, Весалги и Плойки. Эти крестьяне издревле носятъ въ народѣ названіе „куронскихъ королей“. Вѣроятно это названіе произошло

отъ названія одного изъ упомянутыхъ поселковъ, населенныхъ ими, именно „Конины“, а на старолатышскомъ языкѣ „Konin“ = König означаетъ король. Они не только въ теченіи всего крѣпостнаго права сохранили свою личную свободу, но и получили свои владѣнія въ свободное пользованіе на вѣчныя времена. Древнѣйшій документъ этого рода относится ко времени магистра ордена Гергарда Юрке; онъ былъ данъ Тонтегоде въ 1320 году. Послѣдній получилъ 2 Накел (такъ = неравная мѣра земли въ балтійскомъ краѣ) земли, безъ обязанности повиновенія или платы податей. Его потомки живутъ еще и теперь подъ тѣмъ же самымъ именемъ. Подобныя опредѣленія содержатъ и другіе документы, дарующіе свободу. Герцоги Курляндскіе Готгардъ Кеттлеръ (1562—1587), Іаковъ, его внукъ (1642—1682), Эрнстъ Биронъ (1763—1769) и др. утвердили привилегіи безоброчныхъ крестьянъ. Но послѣднее время, съ введеніемъ общей воинской повинности, и безоброчные крестьяне должны выставлять своихъ рекрутовъ (они прежде были избавлены отъ этого). Такимъ образомъ, хотя они потеряли нѣкоторыя личныя привилегіи, но все еще сохранили свободное пользованіе земельной собственностью.

Третье отдѣленіе посвящено антропологии и статистикѣ; здѣсь мы находимъ научныя изслѣдованія док. Г. Шульца, проф. Вирхова, Штида, Велькера, Отто Вебера, проф. Раубера, директора юрьевскаго анатомическаго института и док. медицины Р. Вейнберга. Сравнительно бѣльшая часть матеріала доставлена Отто Веберомъ. Онъ измѣрилъ 60 мужчинъ и 40 женщинъ въ гробинскомъ уѣздѣ въ нижней Курляндіи и, опираясь на это, описываетъ латышей слѣдующимъ образомъ: „Латышь средняго роста, иногда и выше, крѣпокъ и пропорціонально сложенъ. Полнота встрѣчается рѣдко. Цвѣтъ кожи бѣлый, волоса на тѣлѣ мало развиты; волоса на головѣ гладкіе или курчавые, большей частью рыжіе, часто свѣтлорусые, рѣже темнорусые. Цвѣтъ глазъ большей частью сѣроголубой, сѣрый или голубой, рѣдко карый. Глаза средней величины. Борода небольшая; окладистая борода большая рѣдкость. Латыши большей частью брѣютъ бороду. Голова довольно длинна и широка. Липо вообще овальное, рѣдко широкое и угловатое. Цвѣтъ лица не блѣдный, но и не особенно свѣжій. Лобъ высокій, носъ прямой и довольно длинный, но встрѣчаются также носы короткіе и широкіе. Ротъ средней величины, зубы большей частью хорошіе и прямые, губы полныя“. Отто Веберъ утверждаетъ, что латыши по росту занимаютъ въ Европѣ третье мѣсто, и что ихъ въ этомъ отношеніи превосходятъ только шотландцы и норвежцы.

Четвертое отдѣленіе занято было латышскимъ языкомъ. Онъ арійскаго происхожденія и имѣетъ болѣе сродства съ славянскимъ, чѣмъ съ германскимъ языкомъ. Онъ распадается на три нарѣчія, которыя легко

отличить другъ отъ друга: 1) верхне-курляндское, 2) ниже-курляндское и 3) среднее. На первомъ діалектѣ говорятъ туземные латыши въ витебской губерніи, въ восточной Лифляндіи и верхней Курляндіи. Книги, большей частью духовнаго содержанія, отъ 1604—1894 года вышли въ количествѣ 133-хъ. На ниже-курляндскомъ нарѣчїи говорятъ по берегамъ рѣки Виндавы и ея притокамъ, также на курляндскомъ полуостровѣ. Болѣе всего распространенъ средній діалектъ, на которомъ говорятъ въ остальной Курляндіи и Лифляндіи. Этотъ же діалектъ употребляется въ письменныхъ произведеніяхъ, въ церковной службѣ и въ школахъ.

Древнѣйшій памятникъ латышскаго языка Отче Нашъ Симона Грунау въ 1526 г.; въ томъ же столѣтіи въ 1586 г. была напечатана первая латышская книга. Впервые стали заботиться о латышскомъ языкѣ лютеранскіе пасторы, изъ которыхъ въ 17-мъ столѣтіи Эрнстъ Глюкъ, пасторъ въ Маріенбургѣ, перевелъ Библию на латышскій языкъ.

Пятое отдѣленіе занято было литературой преданій латышскаго народа, его сказаніями, сказками, пѣснями и т. п. Древность этихъ литературныхъ произведеній очень различна. Они уже существовали, когда латыши еще были самостоятельнымъ народомъ. У латышей литература преданій сохранилась гораздо долѣе чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, потому что они долго были устранены отъ вліянія чуждой культуры. Они рассказываютъ свои сказки осенью и зимою у очага и поютъ пѣсни во время дневной работы, то весело и беззаботно, то печально и трогательно. Древнѣйшія печатныя пѣсни находятся въ латышской грамматикѣ Стендера, вышедшей въ 1761 году. Самый большой сборникъ, который, говорятъ, содержитъ до 60,000 самостоятельныхъ пѣсенъ и вариантовъ, издають съ 1894 года Кр. Баронъ и Г. Виссендорфъ; до сихъ поръ вышли только шесть выпусковъ. Латышскія народныя пѣсни большей частью лирическаго характера; эпическія встрѣчаются рѣдко. Чародѣйство встрѣчается болѣе всего въ медицинѣ. Въ прежнія времена лѣченіемъ занималась почти каждая пожилая латышская женщина, какъ бываетъ и теперь въ отдаленныхъ мѣстностяхъ остзейскихъ провинцій.

Шестое отдѣленіе посвящено современной литературѣ. Существующая литература ведетъ свое начало съ 16-го столѣтія. Въ 1586 явилась первая латышская книга, извѣстная подъ названіемъ „Энхиридїонъ“; она духовнаго содержанія и была напечатана въ Кѣнигсбергѣ по порученію курляндскаго герцога Готгарда Кеттлера. Книги, изданныя на латышскомъ языкѣ, представляютъ преимущественно сборники духовныхъ пѣсенъ, проповѣди, молитвенники и Библии. Научная литература мало развита. Изданіе газетъ сдѣлало за послѣднее время большіе успѣхи. Первый журналъ „Latwiska gada grahmata“ издавалъ М. Штоббе, по одной книгѣ въ три

мѣсяца. Потомъ появилась „Latweeschu Awises“ (латышская газета) съ 1822 года, въ 1829 году „Widsemes Latweeschu Awises“, въ 1832 году „Latweeschu Jauschu draugs“. Первая газета, основанная и издаваемая самими латышами, „Mahjas Weesis“ (Гость дома) съ 1856 года. Теперь латыши имѣютъ 12 журналовъ, 2 ежедневныхъ, 2 иллюстрированныхъ ежемѣсячныхъ, 2 специальныхъ, 5 политическихъ еженедѣльныхъ газетъ и одну газету „Amerikas Westnesis“, которая издается въ Бостонѣ. Довольно важную роль въ латышской литературѣ играютъ календари, большей частью специальные: календари для сельскихъ хозяевъ, хозяекъ дома, садовниковъ, пчеловодовъ, ремесленниковъ, купцовъ, музыкантовъ и учителей.

Седьмое отдѣленіе представляетъ намъ учебную часть; мы здѣсь находимъ рисунки, виды, планы училищъ и церквей, портреты извѣстныхъ учителей и т. д. Мы узнаемъ, что первые народные учителя въ Лифляндіи и Курляндіи были калѣки или слабосильные старики, которые не были въ состояніи дѣлать тяжелую работу. Они часто ходили изъ дома въ домъ, чтобы вечеромъ обучать дѣтей духовнымъ пѣснямъ, чтенію Библии и катехизису. Позже уже во времена герцога Г. Кеттлера были основаны настоящія школы, причемъ духовенство старалось все болѣе и болѣе захватить преподаваніе въ свои руки и поднять его. Въ 1835 году уже между жителями Курляндіи было только отъ 5 до 10% неумѣющихъ читать. Основаніе чисто народныхъ школъ произошло только послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Въ 1894 году однако въ Курляндіи и въ латышской части Лифляндіи было уже 1062 народныхъ школы. Несмотря на учительскія семинаріи въ Лифляндіи и Курляндіи количество учителей, оканчивающихъ тамъ свое образованіе, не можетъ удовлетворить потребности въ преподавателяхъ, такъ какъ спросъ на учителей чрезвычайно великъ.

Восьмое отдѣленіе посвящено латышскимъ обществамъ. Всѣ латышскія общества можно раздѣлить на двѣ группы, изъ которыхъ одна преслѣдуетъ матеріальныя, а другая интеллектуальныя цѣли. Есть общества страхованія, общества вольныхъ пожарныхъ, общества трезвости, общества потребителей, сельско-хозяйственныя общества, благотворительныя и т. д. Почти всѣ эти общества имѣютъ свои читальни и библіотеки; нѣкоторыя содержатъ школы и устраиваютъ театральныя представленія.

Девятое отдѣленіе показываетъ намъ народную музыку съ небольшимъ но очень интереснымъ собраніемъ древнихъ инструментовъ, напр. Seetipsch (сито) въ родѣ тамбурина, дудка изъ вербоваго лыка, ольховаго дерева, пастушескій рожокъ (taure) изъ ольховаго лыка, козій рогъ, рогъ зубра съ мѣдной оправой, волынка, арфа, цимбалы, скрипка, цитра и т. д. Латышей часто называли „народомъ пѣвцовъ“. Ихъ предки съ давнихъ временъ занимались искусствомъ пѣнія. Древнія народныя мелодіи латышей въ

новѣйшее время изслѣдоваль А. Юрьянъ въ Харьковѣ, который для этой цѣли побываль во многихъ мѣстахъ, обитаемыхъ латышами. Согласно А. Юрьяну латышскія народныя мелодіи раздѣляются на три группы, которыя можно обозначить такъ: пѣніе, игра и хороводы. Основатель латышскаго хорового пѣнія валкскій директоръ семинаріи И. Цимзе издалъ въ 8-ми частяхъ собраніе пѣсенъ „Dseesmu rota“ (украшеніе пѣсенъ). Благоотворное вліяніе директора Цимзе обнаружилось яснѣй всего во время устроенныхъ латышскихъ „празднествъ пѣвцовъ“ dseedaschanassvehtki Sāngerfeste, а именно въ 1864, 1866, 1873, 1880, 1888 и 1895 годахъ.

Въ 10-мъ отдѣленіи для живописи мы находимъ только небольшое собраніе картинъ латышскихъ художниковъ. Достойны упоминанія: Карль Гунъ, А. Алкенисъ, В. Пурвиць, П. Балодисъ, Заринъ, Лапинъ и И. Розенталь, картина котораго „Посѣтители церкви послѣ окончанія богослуженія“ была удостоена награды.

11-е отдѣленіе посвящено драматическому искусству. Латышскія театральныя представленія начались съ основанія рижскаго латышскаго общества въ 1868 году. Основатель латышскаго театра А. Аллунанъ, подъ управленіемъ котораго онъ находился отъ 1875—1884 года. Театральныя представленія бывають въ домѣ общества.

12-е отдѣленіе посвящено костюмамъ и одеждамъ. Здѣсь мы находимъ богатую коллекцію одеждъ, тканей, предметовъ украшенія и т. п. Древнія одежды все больше и больше вытѣсняются культурой. Въ Лифляндіи и Курляндіи ихъ почти нельзя встрѣтить, но древнія одежды еще носятъ въ польской Лифляндіи. Головное украшеніе дѣвушекъ такъ называемый „wainags“ т. е. вѣнокъ. Онъ имѣетъ символическое значеніе, а именно: если о молодой дѣвушкѣ говорятъ, что у нея нѣтъ болѣе „wainadzin“, то этимъ хотять сказать, что она потеряла свою дѣвическую честь. Его носили при торжественныхъ случаяхъ; во время дневной работы достаточно было головного платка. Упомянутое головное украшеніе изготовлялось или изъ лошадинаго волоса, стеклянныхъ бусъ, или это были обручи изъ мѣди, высланные мягкимъ въ срединѣ, украшенные стеклянными бусами, или обручъ съ зеркальными стеклами и золотой парчей, или обручъ, обшитый чернымъ сукномъ, или обручъ, обшитый краснымъ сукномъ и украшенный стеклянными бусами и т. д. Замужнія женщины лѣтомъ носили бѣлые чепчики изъ бумаги (mizes), зимой шапки, формой похожія на рыцарскіе шлемы съ открытымъ забраломъ. Снаружи онъ состоятъ изъ бархата или камки; внутри бѣлый или сѣрый мѣхъ; украшена шапка мѣхомъ выдры или овцы. Въ позднѣйшее время вездѣ стали носить головные платки. Они похожи на полотенце или мѣшокъ, у котораго одна сторона открыта. Они изъ полотна и ихъ носятъ лѣтомъ. Зимой носили трехугольныя шерстяныя

платки, собственнаго тканья, отдѣланные бахромой. Первые назывались „Nahmats“ и „Sapans“, послѣдніе, если они были безъ бахромы, „Kutschas“. Шейные платки „sagschas“, „willaines“ и „segenes“ изъ шерсти, обыкновенно носили на плечахъ; сдерживался платокъ на плечѣ или локтѣ нарядной булавкой (sakta). Края этихъ платковъ имѣють различныя украшенія; у курляндскихъ (безоборочныхъ) крестьянъ они обыкновенно украшены спиралями, цѣпочками и бляхами изъ мѣди. Женская рубашка состоитъ изъ двухъ частей: нижняя, изъ грубой матеріи, готовится изъ пакли, для верхней употребляютъ тонкое полотно. Но здѣсь есть и рубашки съ вышивкой на верху, или съ вязанными крючкомъ кружевами у рукавовъ, кокетки рубашекъ съ стеклярусомъ и вышивкой и т. д. Женскія юбки „lin-draki“ или „bruntschi“ носятъ большей частью до талии. Но есть и такія, которыя поднимають до плечъ и прикрѣпляютъ помочами. Юбки большей частью полосатыя съ полосами, идущими сверху внизъ. Но есть и юбки пришитыя къ талии, онѣ называются „karatas“. Эти юбки сдѣланы изъ полотна или шерстяной матеріи. Кофты на латышскомъ языкѣ имѣють очень разнообразныя названія: neeburs, burste, neeburste, libkens (корсетъ), spensers (спензеръ), kamzoli (кофта), wamzchi, lamzchi (фуфайка) и т. д. Спензерами обыкновенно называются лѣтнія кофты. Есть кофты съ рукавами и безъ нихъ, съ вышивкой или съ золотыми полосами. Сверхъ кофты (neeburs) и юбки завязывали передникъ. Передники были самые разнообразные. Особенное вниманіе обращено на перчатки. Вездѣ встрѣчаются рукавицы и перчатки съ пальцами. Большой частью бѣлыя шерстяныя перчатки съ вышивкой или нитяныя, вывязанныя съ узоромъ. Во время свадьбы невѣста должна дарить родственникамъ своего жениха перчатки. Дѣвушки въ юности готовятъ большой запасъ перчатокъ, такъ какъ имъ ко дню ихъ свадьбы надо имѣть большой запасъ. Въ день свадьбы танцовали особенный танецъ, называвшійся „Zimdu-danzis“ (танецъ перчатокъ), при которомъ, какъ невѣста, такъ и всѣ другія молодыя дѣвушки, должны были раздавать перчатки. Чулки очень разнообразны относительно вышивокъ и цвѣта. Носили также онучи или платки „seetawas“, и обертывали вокругъ икръ такъ называемые „usmautschis“. Древнѣйшую и простѣйшую форму обуви составляютъ лыковые башмаки (vihses). Потомъ слѣдуютъ кожаные сандалии (pastalas). Лапти носятъ вездѣ и теперь. Только при торжественныхъ случаяхъ или идя въ церковь носятъ башмаки или сапоги. Верхней одеждой мужчины и женщины были осенью сѣрые плащи, а зимой овечьи шубы. Шубу сдерживалъ поясъ. Мужчины лѣтомъ носили соломенные или войлочные шляпы („woiloka platmales, gardibenes, ratenes“). Зимой носили шапки съ наушниками; подкладка шапокъ была изъ овчины. Во время болѣзни или на одрѣ смерти мужчинамъ надѣвали бумажные чепцы, какіе

носятъ женщины; ихъ называютъ „mirstamas mizes“ „Sterbemützen“ (чепцы, надѣвающіеся въ ожиданіи смерти). Мужская рубашка состояла изъ одного куска и имѣла широкій воротникъ съ вышивкой или безъ нея. Бѣлые холстинные панталоны обыкновенно носили лѣтомъ; они сдерживались металлической запонкой или деревяннымъ колышкомъ. Зимой носили шерстяные панталоны, встрѣчаются также панталоны, доходящіе до колѣнъ „uhsas“. Жилетъ и сюртукъ были обыкновенно изъ одной матеріи. Богатые люди носили сразу по нѣсколько жилетовъ. Это былъ знакъ ихъ зажиточности. Сюртуки носили короткіе и длинные. Цвѣтъ шерстяной матеріи былъ большей частью сѣрый. Сверхъ сюртука носили шинель „paltraki“ или „schinelis“.

Украшенія латышей состояли изъ серебра, янтаря и т. д. Самыя извѣстныя женскія украшенія были серебрянныя брошки „saktas“, большія для большихъ платковъ „villaines“, меньшія для воротниковъ рубашекъ. Самыя большія и красивыя брошки находятъ въ Виндавскомъ уѣздѣ.

Что касается платьевъ, то тамъ, гдѣ современная культура уже вытѣснила національную одежду, одѣваются согласно съ городской модой; только матеріи еще большей частью ткуть дома. Платья, купленныя въ городѣ, носятъ только женщины, но и это случается не очень часто. Прежде, крашеніе, расчесываніе и пряденіе шерсти составляло предметъ домашняго трудолюбія; въ настоящее время эти работы въ Лифляндіи и Курляндіи большей частью дѣлаются на фабрикахъ. Тканье значительно развилось у латышей. Больше всего имъ занимаются въ Пebaльгѣ, гдѣ оно составляетъ особенную отрасль промышленности, потому что пebaльгскія матеріи извѣстны не только въ остзейскихъ провинціяхъ, но и въ пограничныхъ губерніяхъ, какъ напр. въ Псковѣ и Витебскѣ.

13-е отдѣленіе содержитъ постройки. Здѣсь въ естественную величину и вполнѣ устроенныя латышскія постройки представлены въ трехъ историческихъ зданіяхъ. Два изъ нихъ представляютъ старинныя латышскія жилыя строенія, первое въ Курляндіи, второе въ Лифляндіи; третье зданіе есть изображеніе жилища зажиточнаго крестьянина, хозяина настоящаго времени. Старинное жилое зданіе въ Курляндіи выстроено изъ неотесанныхъ еловыхъ или сосновыхъ бревенъ на крѣпкомъ массивномъ фундаментѣ, въ высоту стѣна содержитъ 10 бревенъ. Щели между бревнами затыкали обыкновенно мохомъ. Крыша съ обѣихъ сторонъ простирается до фронтона, который не имѣетъ никакихъ украшеній. Она состоитъ изъ досокъ (Lubben), которыя положены сверхъ еловой коры; послѣдняя имѣетъ цѣль не пропускать воды. Внутреннее устройство латышскаго дома состояло изъ трехъ частей. Первая часть—сѣни „pams“ безъ оконъ и потолка. Въ немъ разводится огонь на глиобитномъ полу. На лѣвой сторонѣ примыкаетъ къ „namcy“—„istaba“,

т.-е. горница, въ которой живетъ одна или нѣсколько семей. Она снабжена окнами, потолокомъ и печью. Напротивъ горницы находится, такъ называемый „kambari“, коморка для хозяйственныхъ нуждъ. Въ древнѣйшее время эта коморка не была соединена съ сѣнями, а стояла отдѣльно на дворѣ, точно также какъ и „istaba“, которая была отдѣлена отъ сѣней. Практическія соображенія способствовали слянію этихъ трехъ отдѣльныхъ помѣщеній въ одинъ домъ. Кромѣ того на крестьянскомъ дворѣ были клѣть „klete“ съ крытымъ крыльцомъ, построенная на высококомъ фундаментѣ, которая служила не только кладовой, но и квартирой семьи въ лѣтнее время, и рига „rige“, мѣсто для сушки хлѣба. Въ горницѣ находилась группа фигуръ, которыя изображали осеннія и зимнія домашнія работы. Устройство этого дома совершенно приспособлено къ крестьянской жизни, какъ она была въ старыя времена.

Второе зданіе представляетъ старинный жилой домъ въ Лифляндіи. Онъ уже снаружи имѣетъ другой видъ, чѣмъ предыдущій. Широкая соломенная крыша плоско ниспадаетъ съ обѣихъ сторонъ; конекъ крыши имѣетъ нѣсколько украшеній. Но величайшая разница состоитъ во внутреннемъ устройствѣ этого зданія. Хлѣбная сушильня „rige“, токъ и жилыя помѣщенія всѣ находятся подъ одной кровлей. Пристройку съ лѣвой стороны сушильни владѣлецъ употреблялъ для жилья лѣтомъ и осенью, пока работали въ сушильнѣ. Это помѣщеніе получало немного теплоты отъ задней стороны печи сушильни. Свѣтъ входилъ черезъ два узенькихъ окна со стекломъ. Съ другой стороны сушильни была каморка для ручной мельницы. Кромѣ большой наружной двери въ сушильнѣ была еще полудверь; когда открывали первую, чтобы выпустить дымъ и паръ, то полудверь оставалась закрытой, такъ что ни одно домашнее животное не могло проникнуть въ сушильню. На другомъ концѣ этого зданія находится токъ („kuls или reedarbs“). Здѣсь была поставлена группа фигуръ, которая представляла 4-хъ молотниковъ въ національномъ костюмѣ съ поднятыми цѣпами. У дверей тока стоитъ человѣкъ, занятый провѣваніемъ хлѣба. Другой занятъ очищеніемъ льна колотушкой. Между современными жилищами въ Лифляндіи и Курляндіи нѣтъ разницы. Третье зданіе изображаетъ жилище зажиточнаго крестьянина. Уже наружность дома, какъ и все окружающее его, показываетъ какъ сильно измѣнились условія жизни латышей. Зданіе имѣетъ стеклянную галерею; изъ этой входятъ въ переднюю, освѣщенную двумя окнами. Хотя здѣсь видно большое измѣненіе, но все же замѣчаешь старое дѣленіе на три части латышскаго жилья. Изъ сѣней дверь налѣво ведетъ въ жилище крестьянина, направо въ помѣщеніе работниковъ. Въ домѣ три комнаты: большой залъ въ четыре окна, столовая въ серединѣ дома и спальня въ углу дома. Въ залѣ помѣщена большая группа фигуръ. Она пред-

ставляетъ раздачу подарковъ, какъ это водилось прежде на свадьбахъ. Въ послѣдній день свадьбы молодая одѣляла подарками родственниковъ своего мужа и приносила жертвы всѣмъ духамъ дома на очагѣ, въ коровникѣ, въ банѣ и въ другихъ мѣстахъ. Чѣмъ большее значеніе для хозяйства имѣло мѣсто, тѣмъ больше было жертвоприношеніе: перчатки или чулки; овчарня напр. получала только подвязку. Эти жертвоприношенія послѣ разбираемы были дѣтьми или стариками и старухами. Когда хотѣли начинать эту церемонію, то заявляли объ этомъ дружкѣ (*vedeja tehws*).

Черезъ столовую проходятъ въ кухню, а оттуда на чердакъ, гдѣ устроены три комнаты. Въ одной живутъ служанки, въ двухъ другихъ гости или взрослые дѣти крестьянина.

Эти 3 историческихъ зданія изображаютъ древнѣйшій и новѣйшій періодъ латышскихъ построекъ; но большая часть строеній настоящаго времени принадлежитъ къ постройкамъ средняго періода. Строенія этого періода развились непосредственно изъ строеній древняго періода и раздѣляются преимущественно на двѣ части: жилую комнату и кухню, изъ которыхъ первая раздѣлена на двѣ или три части. Домашнія животныя обыкновенно имѣли свои помѣщенія. Иногда къ конюшнямъ примыкаетъ еще амбаръ (клѣть) „*klete*“, такъ что всѣ зданія образуютъ кругъ или четырехугольникъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ построекъ строили еще баню „*pirte*“, которая принадлежитъ къ древнѣйшимъ и достопримѣчательнѣйшимъ постройкамъ латышей, но она не составляла, какъ предполагаютъ, первобытнаго дома латышей; первобытный домъ былъ, такъ называемый „*naminsch*“, т.е. лѣтняя кухня, построенная изъ шестовъ. Она походитъ на юрту сѣверныхъ кочевыхъ народовъ и вѣроятно въ древнѣйшее время также, какъ у нихъ, была покрыта шкурами. Такой „*намингш*“ еще въ нынѣшнее время служитъ рыбакамъ Ангернскаго озера временнымъ мѣстожительствомъ. О банѣ упоминаютъ уже лѣтописцы, въ мифологіи она также играетъ выдающуюся роль, потому что осенью здѣсь угощали души умершихъ. Въ прежнія времена баня была посвящена богинѣ счастья (*laima*) и здѣсь обыкновенно женщины разрѣшались отъ бремени. Здѣсь, какъ въ церкви, надо было вести себя тихо и благоговѣйно и за каждое дѣйствіе, несогласное съ этимъ, виновникъ строго наказывался.

14-е отдѣленіе, посвященное домашнему труду, содержало значительное количество предметовъ. 50 лѣтъ тому назадъ въ домѣ крестьянина почти не было предмета, который бы не былъ сдѣланъ самими обитателями дома; всю мебель, домашнюю утварь, замки приготовляли сами домохозяева. Матеріаль состоялъ преимущественно изъ дерева, какъ для посуды, предназначенной для пищи и питья, такъ и для мѣрзъ, коробокъ, подсвѣчниковъ, предметовъ, употреблявшихся при пряденіи и тканьѣ, орудій, и т. п.

Въ новѣйшее время большую часть потребностей удовлетворяютъ ремесленники, въ которыхъ нѣтъ недостатка. Хотя и теперь дома приготавливаютъ различные предметы (корзины, ведра, соломенные стулья, рѣшета, колеса и т. д.), но ихъ приготавливаютъ менѣе для собственнаго употребленія, чѣмъ для продажи. Оригинальны—станокъ, въ который вставлялась зажженная лучина, желѣзные подсвѣчники крайне первобытной работы, и формы для литья свѣчей; далѣе стоитъ обратить вниманіе на собраніе табачныхъ трубокъ и тарелокъ изъ дерева, жести и глины.

15-е отдѣленіе посвящено пчеловодству. Древніе латыши имѣли мало понятія о рациональномъ пчеловодствѣ. Они въ лѣсу отыскивали пчелиные рой и вынимали медъ изъ дупла деревьевъ, при этомъ они употребляли особенный снарядъ, такъ называемый „dseinis“. Впослѣдствіи они начали заниматься пчеловодствомъ дома. Латыши употребляли медъ для лѣкарства и варили изъ него напитки. Какъ высоко латыши цѣнили свое пчеловодство, показываетъ намъ событіе, засвидѣтельствованное исторіей. Въ 1812 году латыши изъ Антины жаловались епископу рижскому Альберту, что рыцари ордена изъ Вендена похитили у нихъ ульи пчелъ. Когда ихъ жалоба не имѣла успѣха, они соединились, чтобы произвести возстаніе. Въ серединѣ этого столѣтія было положено начало рациональнаго пчеловодства и въ Митавѣ основано первое общество пчеловодства. Въ настоящее время въ Курляндіи и въ латышской части Лифляндіи насчитываютъ до 10 подобныхъ обществъ.

16-е отдѣленіе назначено для сельскаго хозяйства; оно довольно содержательно. Главный источникъ доходовъ латышей составляетъ сельское хозяйство; по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ всѣхъ латышей занимаются отраслями сельскаго хозяйства, какъ: земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и т. д.

Въ этомъ отдѣленіи мы находимъ различныя сохи, нѣсколько шведскихъ плуговъ, бороны изъ вербовыхъ вѣтвей съ деревянными или желѣзными зубцами, серпы и косы, хлѣбныя косилки, далѣе орудія, употребляющіяся для засѣванія поля, цѣпы, снаряды для чистки хлѣба, повозки, сани, сбрую древнихъ и новыхъ временъ и т. д.

Заслуживаетъ вниманія 17-е отдѣленіе, посвященное рыболовству. Рыболовный промыселъ распространенъ между латышами; по статистическимъ даннымъ рыбная ловля въ Лифляндіи приноситъ миллионъ рублей. Хотя въ Курляндіи нѣтъ рѣки, столь богатой рыбой, какъ Двина, но за то тамъ развита морская рыбная ловля. Къ сожалѣнію раки въ нѣкоторыхъ рѣкахъ совершенно переродились. Семги, вемгаллы, миноги и угри—рыбы, ловъ которыхъ лучше всего оплачивается. Изъ морскихъ рыбъ можно упомянуть камбалу, кильки и салакушки.

18-е отдѣленіе, назначенное для судоходства, представляетъ рядъ мо-

делей (напр. курляндскій военный корабль 1681 года). Уже въ древнѣйшія времена курляндцы были извѣстны шведамъ и датчанамъ какъ отважные мореплаватели и опасные морскіе разбойники. Когда курляндцы и лифляндцы утратили свою самостоятельность, развитіе судоходства на прибалтійскомъ побережьи остановилось. Правда, во времена герцога Іакова курляндскіе корабли выходили во всѣ страны свѣта, какъ изъ либавской, такъ и изъ виндавской гаваней, но это движеніе продолжалось немногіе годы. Послѣ этого судоходство опять было оставлено. Хотя у рижскихъ береговъ и плавали постоянно небольшіе корабли, но ихъ количество отъ 1850—1860 гг. не превышало числа 20—30. Латышскіе мореплаватели были пробуждены къ новой дѣятельности нѣкимъ К. Вольдемаромъ; онъ въ 50-хъ годахъ пишетъ въ нѣмецкихъ и русскихъ журналахъ о важности судоходства. Его старанія увѣнчались успѣхомъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ теперь 12 училищъ для моряковъ, которыя отъ 1864—1895 года посѣщались 8224 учениками. Изъ нихъ выдержали экзамень 3053 человекъ; 805 человекъ получили дипломы на право дальняго плаванія. Большая часть воспитанниковъ этихъ школъ теперь работаютъ на русскихъ моряхъ. Кромѣ того латышскія суда въ большомъ количествѣ плаваютъ въ настоящее время по атлантическому океану и командующіе этими судами, исключительно воспитанники вышеназванныхъ латышскихъ школъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Экипажъ состоитъ также почти только изъ латышскихъ прибережныхъ жителей. 1-го января 1896 года латышамъ принадлежали 315 парусныхъ судовъ и число экипажа простиралось до 1974 человекъ.

Кончая свой рефератъ о латышской этнографической выставкѣ въ Ригѣ во время X археологическаго сѣзда, я долженъ замѣтить, что она, не смотря на нѣкоторые недостатки, которыхъ почти невозможно избѣгать при какомъ бы то ни было первоначальномъ предпріятіи, все же представляла много интереснаго и поучительнаго.

Харьковъ,

12 Декабря 1896 г.

